

ШАРЛОТТА ПЕРКИНС

ГИЛМАН

ШАРЛОТТА ПЕРКИНС
ГИЛМАН

Желтые обои,
Женландия
и другие истории

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г47

Серия «Зарубежная классика»

Charlotte Perkins Gilman

THE YELLOW WALLPAPER,
HERLAND AND OTHER STORIES

Перевод с английского *Е. Токарева*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Гилман, Шарлотта Перкинс.

Г47 Желтые обои, Женландия и другие истории :
[сборник] / Шарлотта Перкинс Гилман ; [перевод с
английского О. Редковой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2022. — 352 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-138201-8

Нашему читателю в первую очередь известен рассказ «Желтые обои», оказавший заметное влияние на творчество Говарда Лавкрафта, Стивена Кинга и других авторов.

Американская семья снимает в аренду родовое поместье. Главной героине очень не нравятся желтые обои в спальне. И не зря: с обоями действительно что-то не так. Совсем не так...

Кроме того, в сборник вошли феминистический роман-анти-утопия «Женландия», впервые переведенный на русский язык, а также избранные рассказы, в которых мистика и ужасы соседствуют с глубоким психологическим реализмом и добродушным юмором.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-138201-8

© Перевод. Е. Токарев, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ЖЕЛТЫЕ ОБОИ

Обычным людям, таким как мы с Джоном, редко выпадает случай провести лето в родовом поместье.

Особняк в колониальном стиле, наследственное имение, я бы сказала — вилла с привидениями. Мы добрались до верха романтических мечтаний — выпросили у судьбы слишком много.

И все же я настаиваю, что во всем этом есть нечто странное.

Иначе почему дом сдавался так дешево? И отчего он так долго пустовал?

Джон, конечно же, смеялся надо мной, но в семейной жизни подобного стоит ожидать.

Он практичен до крайности. Мой муж не выносит религии, суеверия повергают его в ужас, и он в открытую высмеивает любые разговоры о вещах, которые нельзя пощупать, увидеть или посчитать.

Джон — врач, и, возможно — (я бы, разумеется, не призналась в этом ни одной живой душе, однако бумага все стерпит, и это очень отрадно) — возможно, что как раз поэтому я поправляюсь гораздо медленнее.

Понимаете, он не верит в мою болезнь!

И что же делать?

Если врач с хорошей репутацией, и к тому же ваш муж, уверяет друзей и родственников, что у вас нет ничего серьезного, кроме преходящей нервной депрес-

сии и незначительной склонности к истерии, как тогда быть?

Мой брат — тоже врач, хорошо зарекомендовавший себя, и говорит то же самое.

Поэтому я принимаю фосфаты или фосфиты — пойди разбери — разные общеукрепляющие препараты, совершаю променады, дышу свежим воздухом и делаю зарядку. Еще мне строго-настрого запрещено «работать», пока я окончательно не поправлюсь.

Лично я не согласна.

Я считаю, что работа, которая придется по душе, может взбодрить и внести в жизнь разнообразие, она пошла бы мне только на пользу.

Но что поделать?

Я все-таки писала, несмотря на запреты, но это и правда сильно утомляло, ведь приходилось хитрить, чтобы никто не помешал.

Иногда мне кажется, что в моем состоянии лучше встречать меньше препятствий, и будь у меня больше общения и стимулов... Однако Джон утверждает, что худшее, что я могу делать, — это анализировать свое состояние. Признаюсь, что от этих мыслей мне всегда становится плохо.

Так что я оставлю их в покое и расскажу о доме.

Это восхитительное место! Уединенное, стоящее довольно далеко от дороги и за добрых четыре километра от деревни. Живые изгороди, стены, запирающиеся на замок ворота и множество небольших домиков для садовников и прочей прислуги навевают мысли об английских поместьях из книг.

А какой дивный здесь сад! Я никогда таких не видела — большой, тенистый, изрезанный дорожками с бордюрной каймой, с увитыми виноградом беседками, где стоят уютные скамейки.

Здесь есть теплицы, но они разрушены.

Думаю, не обошлось без судебных тяжб между наследниками и сонаследниками. В любом случае дом долгие годы пустовал.

Боюсь, что это нарушает мое душевное равновесие, но все же — есть в этом особняке что-то странное. Я это чувствую.

Однажды лунным вечером я даже сказала об этом Джону, но он ответил, что все дело в сквозняке, и закрыл окно.

Иногда я злюсь на Джона безо всякой причины. Уверена, что раньше я не была такой раздражительной. По-моему, это из-за нервного расстройства.

Однако Джон утверждает, что причина моих срывов в недостатке самообладания. Поэтому я изо всех сил стараюсь сдерживаться — по крайней мере перед ним. От этого на меня наваливается усталость.

Наша комната мне совершенно не нравится. Мне хотелось поселиться внизу, где из густо увитого розами окна открывается вид на внутренний дворик. Там такие очаровательные старомодные ситцевые занавески! Но Джон об этом и слышать не желал.

Он сказал, что там только одно окно, не хватает места для двух кроватей, и рядом нет комнаты на случай, если он захочет спать отдельно.

Джон очень внимателен и заботлив, даже не разрешает мне вставать без особой надобности.

Мой день расписан по часам. Джон опекает меня буквально во всем, и я чувствую себя неблагодарной, потому что недостаточно это ценю.

Он сказал, что мы приехали сюда только из-за меня, потому что мне необходимо как следует отдохнуть и вволю подышать свежим воздухом.

— Потребность в физической нагрузке зависит от самочувствия, дорогая, — говорил он, — а потребность в еде — от аппетита. Но воздухом ты можешь дышать всегда.

Поэтому мы поселились в детской наверху.

Наша просторная комната занимает почти весь этаж, и окна ее выходят на все стороны, она полна воздуха и солнечного света. Похоже, сначала здесь была детская, а потом игровая комната и гимнастический зал: окна забрали решетками для безопасности, а в стены вмонтировали кольца и крепления для снарядов.

Обои выглядят так, словно здесь обитали мальчишки из частной школы. Вокруг изголовья моей кровати, там, куда я едва дотягиваюсь, они содраны большими кусками. Тот же разгром царит на огромной противоположной стене. Более жуткой отделки я в жизни не видела.

Узор на обоях — разлапистый, цветастый и вычурный, воплощающий все художественные огрехи.

Достаточно тусклый, чтобы запутать бегущий по нему взгляд, он достаточно четкий, чтобы постоянно раздражать зрение и побуждать вглядываться в него. Но если некоторое время всматриваться с близкого расстояния в неуклюжие ломаные извивы, они внезапно совершали самоубийство: разбегались в стороны под пугающими взор углами и распадались на совершенно несовместимые отрезки.

Цвет у обоев отталкивающий, почти отвратительный: выгоревший грязно-желтый, причудливо выцветший под лучами солнца.

В некоторых местах они приобрели блеклый коричневато-оранжевый оттенок, в других — неуловимый зеленовато-желтый окрас.

Неудивительно, что детям не нравились эти обои! Я бы сама их возненавидела, если бы мне пришлось долго жить в этой комнате.

Так, идет Джон, и надо все быстро убрать — он терпеть не может, когда я пишу.

Мы здесь две недели, и теперь мне хочется писать не так сильно, как в первые дни.

Сейчас я сижу у окна в этой жуткой детской, и только легкий упадок сил мешает мне излагать мысли на бумаге, сколько захочется.

Джон отсутствует целыми днями, а иногда даже вечерами, если ему попадаются трудные случаи.

Я рада, что моя болезнь не серьезна!

Однако это нервное расстройство жутко подавляет.

Джон понятия не имеет, как я на самом деле страдаю. Он знает, что для мучений нет причин, и это его устраивает.

Конечно, это всего лишь нервы. Тревога давит на меня, мешает выполнять обязанности по дому.

Мне хотелось во всем помогать Джону, обеспечивать ему настоящий отдых и уют, но я стала для него обузой!

Никто не поверит, каких усилий сто́ит делать то небольшое, что я могу — одеваться, принимать гостей и распоряжаться по хозяйству.

Как же повезло, что Мэри заботится о ребенке. Таким дивном ребенке!

И все же я не могу быть рядом с ним, оттого и нервничаю.

Похоже, Джон никогда в жизни не волновался. Он так смеется, когда я говорю ему про обои!

Сначала он хотел переклеить обои в комнате, но потом сказал, что я позволяю им доветь над собой, а для

больного с нервным расстройством нет ничего хуже, чем поддаваться подобным фантазиям.

Джон добавил, что после смены обоев придет черед тяжелой рамы кровати, затем решеток на окнах, потом калитки в самом низу лестницы, и так далее.

— Знаешь, этот дом благотворно на тебя влияет, — заявил он, — но право же, дорогая, не стоит тут заново все обустраивать ради найма на три месяца.

— Тогда давай переберемся вниз, — предложила я. — Там такие милые комнаты.

После этих слов он обнял меня, назвав блаженной маленькой гусыней, и сказал, что отправится и в погреб, если я захочу, да к тому же его и побелит.

Но он все же прав насчет кроватей, окон и прочего.

Это просторная и удобная комната, которая каждому бы понравилась, и я, конечно же, не настолько глупа, чтобы причинять Джону неудобство из-за нелепого каприза.

Эта большая комната и правда начинает мне нравиться, вот только обои жуткие.

Из одного окна я вижу сад — загадочные тенистые беседки, буйно растущие старомодные цветы, кусты и сучковатые деревья.

Из другого открывается дивный вид на залив и небольшую пристань, принадлежащую поместью. Туда ведет примыкающая к дому тенистая аллея.

Я всегда воображаю, что вижу людей, гуляющих по многочисленным дорожкам и заходящих в беседки, но Джон предупредил меня никоим образом не поддаваться подобным фантазиям. Он говорит, что при моем воображении и привычке к сочинительству нервное расстройство чревато всякого рода галлюцинациями, и необходимо мобилизовать волю и здравый смысл, дабы обуздать эту склонность. Вот я и стараюсь.

Иногда кажется, что, если бы мне достаточно полегчало, чтобы я смогла немного писать, я бы избавилась от навязчивых идей и успокоилась.

Но увы, при любой попытке поработать я сильно устаю.

Обескураживает, что не с кем посоветоваться и дружески обсудить мою работу. Джон говорит, что, когда я по-настоящему пойду на поправку, мы пригласим кузена Генри и Джулию погостить у нас. Но тут же добавляет, что скорее зажжет на моей наволочке фейерверк, чем сейчас допустит ко мне этих впечатлительных и эмоциональных людей.

Мне хочется поскорее выздороветь.

Но думать об этом нельзя. Обои смотрят на меня так, словно знают, какое пагубное воздействие на меня оказывают!

На них есть повторяющийся рисунок, где узор наклоняется, будто сломанная шея, и два выпученных глаза смотрят, перевернутые вверх тормашками.

Я несканно раздражаюсь от этого беззастенчивого, неустанно преследующего меня взгляда. Он медленно ползает вверх-вниз и из стороны в сторону, эти жуткие немигающие глаза повсюду. Еще на обоях есть место, где две полосы не совпадают, и взгляд смещается вдоль линии то вверх, то вниз.

Раньше я никогда не замечала такой выразительности в неодушевленном предмете, однако все мы знаем, насколько эмоциональными могут быть обычные вещи! Ребенком я долго лежала без сна, и ровные стены с незатейливой мебелью увлекали и пугали меня больше, чем обстановка лавки игрушек — попавших туда детей.

Помню, как ласково подмигивали ручки нашего большого старого комода, и был еще стул, всегда казавшийся мне верным другом.

Тогда я чувствовала, что если другие вещи вдруг покажутся слишком злобными, всегда можно запрыгнуть на этот стул и очутиться в полной безопасности.

Обстановка в этой комнате совершенно несуразная, поскольку сюда пришлось перенести мебель с первого этажа. Думаю, когда это помещение использовали как игровую комнату, пришлось убрать все относящееся к детской, и неудивительно! Я никогда раньше не видела такого разгрома, учиненного детьми.

Обои, как я уже говорила, ободраны большими кусками, а ведь приклеены они были на совесть. Выходит, дети обладали завидным упорством и злобой.

А еще здесь исцарапан, разбит и выщерблен пол, повсюду виднеется осыпавшаяся штукатурка, а огромная тяжелая кровать — единственное, что здесь оставалось — выглядит так, словно пережила войну.

Однако она меня устраивает. Вот только обои тревожат...

Вон идет сестра Джона. Она чудесная девушка, и так обо мне заботится! Нельзя, чтобы она заметила, как я пишу.

Она великолепная и очень аккуратная домохозяйка, считающая, что лучшего занятия ей и не сыскать. Думаю, она считает, что я болею оттого, что пишу!

Однако я могу писать, когда ее нет дома, наблюдая за ней из окон.

Одно из них выходит на дорогу, живописно извивающуюся в тени склонившихся деревьев. Из другого открывается вид на пасторальный пейзаж с огромными вязами и бархатисто-зелеными лугами.

На обоях в темных местах есть едва заметный узор, который особенно раздражает, поскольку разглядеть его можно только при определенном освещении, да и то неясно.

Но там, где он не поблек, — в те моменты, когда солнце падает под особым углом, я вижу странную, манящую и размытую фигуру, которая вроде как прячется за непритязательным и бросающимся в глаза основным рисунком.

По лестнице поднимается золовка!

Ну вот, День независимости прошел! Гости разъехались, а я вымотана до предела. Джон решил, что мне пойдет на пользу общение, так что мы пригласили маму и Нелли с детьми погостить у нас неделю.

Конечно, я ничего не делала. Теперь домом занимается Дженни.

Но я все равно очень устала.

Джон говорит, что если мое выздоровление не пойдет быстрее, то осенью он отправит меня к Вейру Митчеллу.

Ехать туда совсем не хочется. Моя подруга однажды попала в его лечебницу, она рассказывала, что он такой же, как Джон и мой брат, только еще въедливее!

К тому же отправляться так далеко — это сплошные хлопоты.

Мне кажется, что ни к чему не стоит прикладывать руки, и от безделья я становлюсь ужасно капризной и ворчливой.

Плачу по пустякам, причем все время.

Конечно, я сдерживаюсь, когда рядом Джон или кто-то еще, но наедине с собой даю волю слезам.

А одна я теперь почти всегда. Джон очень часто пропадает в городе у тяжелобольных, а Дженни чрезвычайно добра и оставляет меня по первой просьбе.

Я немного гуляю в парке или прохаживаюсь по живописной дороге, сижу на веранде под кустами роз и подолгу лежу на кровати.

Несмотря на страшные обои, комната нравится мне все больше и больше. А возможно, как раз из-за них.

Как глубоко они проникли в мое сознание!

Я лежу на огромной неподъемной кровати — похоже, она прибита к полу — и часами разглядываю узор. Уверяю вас, это занятие не хуже гимнастики. Начиная, скажем, вон с того угла, где к обоям не притрагивались, и в тысячный раз твержу себе, что все-таки прослежу бессмысленный орнамент до некой завершающей точки.

Я мало знакома с принципами композиции, однако знаю, что рисунок этот составлен без опоры на правила расхождения лучей, на методы чередования, повтора, симметрии или на что-то еще, о чем я слышала.

Узор, конечно же, повторяется в каждой из полос, но и только.

Если посмотреть с одной стороны, каждая полоса тянется сама по себе. Замысловатые изгибы и завитушки — в псевдо-романском стиле, сдобренном белой горячкой — уходят вверх и вниз безвкусно расставленными столбиками.

Однако с другого ракурса они соединяются по диагонали, и растянутые контуры разбегаются пологими косыми волнами, ударяя по глазам, словно подхлестнутые прибором густые водоросли.

Весь узор вытянут и горизонтально, по крайней мере так кажется, и я до изнеможения пытаюсь определить порядок его движения в этом направлении.

Для оклейки фриза использовали горизонтальную полосу, и это дивным образом лишь усиливает путаницу и неразбериху.

В одном конце комнаты обои почти не тронуты, и вот там, когда гаснет отраженный свет, и закатное солнце впивается в стену, я почти явственно вижу све-

чение: нескончаемые причудливые фигуры вырисовываются вокруг центральной точки, а затем стремительно разбегаются в стороны и гаснут.

Я очень устала вглядываться. Думаю, нужно вздремнуть.

Сама не знаю, зачем все это писать.

Мне не хочется об этом писать.

И сил, похоже, нет.

К тому же я знаю, что Джон сочтет это абсурдом. Но я должна как-то выражать чувства и мысли — ведь это приносит огромное облегчение!

Но постепенно усилия становятся больше облегчения.

Теперь я постоянно чувствую ужасную лень и то и дело ложусь передохнуть.

Джон говорит, что нельзя терять силы, и заставляет меня поглощать рыбий жир, общеукрепляющие препараты и другие таблетки, не говоря уже о пиве, вине и мясе с кровью.

Милый Джон! Он так нежно любит меня, и ему тяжело видеть, как я болею. На днях я попыталась серьезно поговорить с ним, поведать, как мне хочется, чтобы он отпустил меня погостить у кузена Генри и Джулии.

Но он ответил, что я не смогу поехать к ним, что там я продержусь недолго. А у меня не получилось твердо настоять на своем, потому что я расплакалась, не успев закончить.

Мне становится все труднее собираться с мыслями. По-моему, это от нервов.

Милый Джон подхватил меня на руки, отнес наверх, уложил на кровать, сел рядом и читал вслух, пока у меня не заболела голова.

Он называл меня своим сокровищем, отрадой и всем, что у него есть в жизни, умолял заботиться о себе ради него и поскорее выздоравливать.